

Кармелла Скорик

Рига, Латвия

МЫ МЕНЯЕМСЯ ВМЕСТЕ С ОКРУЖАЮЩИМ НАС МИРОМ (СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА)

...Попробуйте представить себе гипотетически трапезу. За столом шесть поколений еврейской семьи. Во главе стола мой прадед — религиозный человек, трапеза *кошерная, потому что прадед — человек благочестивый... За этим ирреальным столом присутствует рижская ветвь семьи, кто своим рождением или дальнейшей жизнью связан с Ригой... Среди них меньшевики и большевики, люди с превосходным европейским образованием, банкир и политзаключенный, узник гетто и советский офицер... Их внуки — люди новой формации, относящиеся с уважением к еврейским традициям, но воспринимающие религиозные постулаты как некий символ, который нужно беречь, но вовсе не обязательно следовать ему буквально. Их правнуки, т.е. мое поколение, долгое время не ведавшее, где находится синагога, что такое *кашрут, но зато четко понимающее, что еврейство — это миссия и пожизненное состояние души, которое надо чувствовать. Наши дети — это по большей части любопытное, очень современное, образованное сообщество, которое получило возможность держать в доме Книгу, т.е. *Тору. Им интересно, но в основном не более того. Наши внуки, находящиеся пока в свободном полете, они маленькие, но уже знают о Государстве Израиль, и наша задача — сохранить в них еврейскую душу как некую константу, дающую возможность чувствовать себя человеком и обязанность сохранять достоинство. На этой же гипотетической трапезе присутствуют и вовсе одиозные фигуры: папина тетка — княгиня Урусова, жена двоюродного брата бабушки — знаменитая русская купчиха Анна Леонтьевна Демидова.

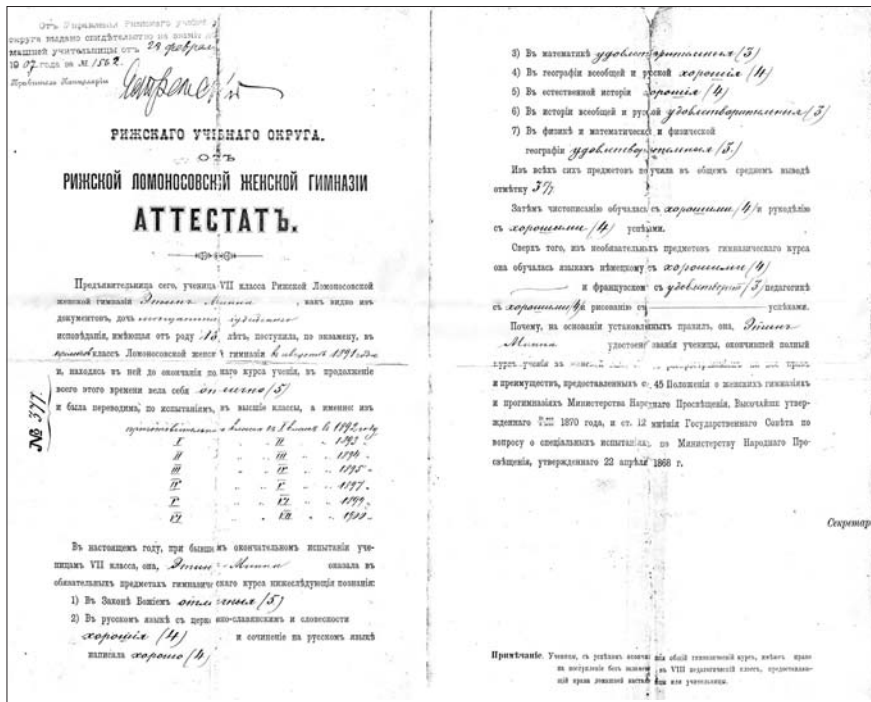
Итак, Белый Гирш и Красный Гирш, у них дома на Московской, 15, и на Московской, 17. Они соседи и компаньоны. Каждое утро в шесть часов они на пристани следят за погрузкой пароходов — они торгуют зерном с Англией. Прадеды религиозны и благочестивы. О Красном Гирше я знаю больше — бабушка рассказывала. Он в нужное время читает молитвы, а в свободное — Жуковского, Пушкина. В доме говорят на *идише, но прадед свободно владеет русским, немецким и латышским языками. Строго соблюдает кашрут, но свою дочь, мою бабушку, он отдает в Ломоносовскую гимназию¹ — в основном дворянскую школу. На всю гимназию было всего две еврейки, и одна из них — моя бабушка. Она рассказывала, каких трудов стоило удержаться в «процентной норме». Когда было особенно трудно, отец говорил: «*Tu dos for mir, майн кинд*» («делай это для меня, детка»). Кроме гимназии — четыре часа ежедневно занятия на фортепиано... Бабушке и ее двум братьям прадед постарался дать самое современное воспитание. Бабушка окончила консерваторию в Берлине, ее брат Осип — Льежский университет, младший, Исаак стал банкиром. Несмотря на жесткую дисциплину учебы, братья были обязаны вместе с отцом вовремя читать молитвы, посещать

синагогу. Словом, прадед, по-видимому, стремился, сохранив в них иудеев, воспитать современных образованных людей. Именно Осип — ярый эсдек, а потом и большевик после Первой мировой войны остался в Москве, стал торгпредом СССР в фирме «Мерседес-Бенц», а в 1934 г. был расстрелян как враг народа. Через очень короткое время власти признали, что приговор был несправедливым и... советское правительство подарило семье квартиру в Брюсовом переулке, в которой до сих пор живут моя троюродная сестра и ее дети.

Вернемся на набережную Даугавы. Итак, первое поколение моей рижской семьи в какой-то мере явилось зеркалом социального положения и общественной жизни определенного круга евреев: они жили в еврейском районе, занимались торговлей, но всеми силами пытались «вписаться» в передовой, мыслящий слой еврейской интеллигенции. Можно, наверное, сказать: окружающий мир стремительно менялся, и, держась за религию и традиции, мои предки стремились «вписаться» в этот мир. Следующее поколение, воспользовавшись некоторой свободой, уже не жило в Московском форштадте² и носило «котелки» и смокинги.

Нужно сказать, что, несмотря на то, что постоянным местом жительства семьи бабушкиного брата в последние годы была Москва, вторым домом постоянно оставалась Рига — тут жили подолгу все члены клана Этиных, поэтому в равной мере их можно считать рижскими евреями.

Но оставим ненадолго Красного Гирша и его детей и заглянем во двор Белого Гирша, которого соседи называли «Тайчке», т.е. «Немчик». Гирш Розенберг по тра-

Аттестат рижской Ломоносовской женской гимназии, выданный Минне Этиной. 1907 г.

Генрих Розенберг. Фото 1920 г.

диции имел много детей, но любимчиком у него был сын Генрих, одноклассник моей бабушки.

Скоро оба Гирша стали не только компаньонами, но и родственниками. Они поженили детей — Генриха и Минну. И все происходило по еврейскому обряду. Строго и неукоснительно. Однако до счастливой свадьбы Генрих был отправлен в Берлин, стал архитектором. В Риге по сей день стоят построенные им дома, один из них — Здание Еврейского клуба (ныне Дом Рижской еврейской общины) по улице Сколас, 6, который спроектировал архитектор Пауль Мандельштам³ в содружестве с моим дедом. В доме Этиных методы воспитания были особые, отец сек своих детей (сыновей), приговаривая при этом: «Не ври, никогда не ври, кто врет — тот крадет. А кто крадет — того в тюрьму сажают. Еврей не должен сидеть в тюрьме». Это правило стало законом семьи, однако его сын Осип сидел в застенках ЧК...

В доме Генриха и Минны собиралась так называемая прогрессивная молодежь. После учения в Берлине постепенно уклад дома стал менее традиционным, не соблюдался кашрут, однако вся их жизнь тесно была связана с еврейской общиной. Дед был членом Еврейского политехнического общества. Шарм и легкость клана Розенбергов и красоту клана Этиных с избытком унаследовала моя мать Сильва Розенберг (по мужу Будо), единственная дочь Генриха и Минны. У нее не было высшего образования в юридическом смысле, лишь «курсы усовер-

Смилтене. Рисунок Генриха Розенберга. 1927 г.

шенствования» в Вене, но талантом и обаянием она была наделена сполна. Превосходная танцовщица и балетмейстер, хорошая пианистка и певица, мама была до нелепости правдивым и прямолинейным человеком. За слово «жид», не вдаваясь в этимологию слова, била по морде, невзирая на чины и звания. Нарком Киргизии Вагов с трудом «отмазал» ее от неприятностей, когда она вlepила пощечину высокому офицерскому чину, добавив при этом: «По сталинской Конституции за национализм судят». Прошло не так много лет, и она плакала, узнав о судьбе дальнего родственника профессора Вовси⁴ (это было во времена «дела врачей»⁵).

Когда мама выходила замуж за моего отца Павла Будо, одна из латышских газет писала: “*Apprecējusies visskaistākais ebreju pāris*” («поженилась самая красивая еврейская пара»).

Они и в самом деле были хороши — Павел и Сильва Будо, мои родители. И все у них было, как у людей: и *хупа, и друзья — элитная еврейская молодежь.

Вот и следующий вираж капризной дамы истории активно тянет молодежь на ассимиляцию, ибо появилось понятие «образованной элитной молодежи», и в струе времени появляется новое поколение еврейской молодежи. Ростки ассимиляции налицо, хотя, возможно, это просто новая, более современная, более «общественная» поросль еврейской молодежи — пожалуй, несколько интеллигентски-буржуазная с явными признаками свободомыслия.

Мои родители с восторгом встретили советскую власть, очень им нравилось быть, по их понятиям, демократичными. Однако очень скоро эта любимая власть решила «уплотнить» нашу семью, которая занимала квартиру из семи комнат, — нужно было отдать кабинет деда. Восторги по поводу справедливости нового порядка приутихли — комнату отдали моей гувернантке, ситцевое платье, которое мама надела в знак солидарности с женами советских солдат, уложили в дальний ящик. Светлый лик справедливого строя потускнел. В доме по-прежнему отмечали все еврейские праздники, однако как-то тихо, в кругу близких. Реже звучали слова на идише. Вообще в семье постоянно говорили на пяти языках. Перед самой войной папа и мама разошлись. К сожалению, ни хупа, ни строгие еврейские семейные заветы не удержали их вместе. Павел Будо, яхтсмен, гимнаст, теннисист, инженер-строитель (окончил Латвийский университет), со временем стал членом компартии, занимал высокий пост в Москве, однако с ног

Сильва Будо. Фото 1927 г.

Павел Будо. Фото 1928 г.

Сильва Будо

**брит-мила* и **бармица* должен остаться евреем. Теплые отношения с дядюшкой, однако, сохранились. Когда мама стала папиной невестой, папа возил ее на смотрины к дядюшке. Невеста пришлась по душе старику, на счастье он подарил маме гранатовую пуговицу со своего камзола. Мама сделала из нее кольцо и носила его до 60 лет, затем отдала его мне, а я, не долго думая, раскурочила реликвию: из гранатов сделала себе кольцо и серьги, которые ношу и сейчас. Вообще, папина семья более цветиста, чем мамина. Брат отца Анатолий окончил не то Кембриджский, не то Оксфордский университет, женился на очень богатой женщине и всерьез считал, по рассказам бабушки, что таких богатых и талантливых людей фашисты не убьют. Он, так же как мой дед Генрих, был убит в первой акции в 1941 г.⁶

Итак, прошло совсем немного времени с того дня, когда мои родители с радостью встречали новую советскую власть, которая только слегка улыбнулась и

Сильва Будо

Павел Будо. Фото 1939 г.

до головы оставался аристократом. «Еврей-аристократ» — звучит несколько парадоксально. Однако отец был именно таким. Может быть, отчасти это получилось, потому что в семье моего деда Бориса (Боруха) Будо был, как говорят, «свой скелет в шкафу»: папина тетка вышла замуж за князя Урусова, князя выгнали из полка, и ему пришлось с женой-еврейкой уехать в Финляндию, в имение Терьёки. Отца мальчишкой часто посылали в Терьёки, где его воспитанием занимался денщик дядюшки. Урусов предлагал усыновить мальчика, но дед Борух и бабушка Вера (Двойра) категорически отказались — мальчик, у которого была

показала им зубы, как новый виток истории разбил, уничтожил, унес саму жизнь рижской ветви нашей семьи. Уже не с цветами встречала еврейская молодежь танки — немецкие, — а с недоумением, страхом и ненавистью.

Другой брат отца — Михаил никаких университетов не кончал, в первый день войны ушел на фронт, стал членом ВКП(б), офицером, служил в Латышской дивизии. Мы получали в далеком городе Фрунзе от него фронтовые треугольнички. После войны стал каким-то начальником в латвийской ГАИ. А мой отец умер в Израиле, куда уехал в возрасте 84 лет, — хотел умереть на родине предков.

Анатолий расстрелян фашистами, Михаил скончался в Риге и был похоронен в офицерской форме. В гетто погибли и мой дед Генрих, и семья Исаака, брата бабушки, дальняя и близкая родня. Ни богатство, ни таланты, ни образование не уберегли их от общей еврейской судьбы. Разделенные границами и ужасами *Холокоста, одни положили свои жизни в общей могиле в Риге, другие долго хранили веру в единую и справедливую страну, где все равны. Дети бабушкиного брата Осипа, щедро наделенные профессорскими званиями и обласканные в свое время властью, сполна испили чашу так называемых «допусков» к ответственной работе. Когда-то доверчивая мама подарила мне портрет Сталина, а среди моих родственников есть лауреаты Сталинской премии. Нужно было пережить все унижения, все треволения в связи с предполагаемыми вагонами для евреев⁷, чтобы энтузиазм несколько приутих. И все-таки, несмотря на разность судеб, характеров, материального положения и изменяемость мира вокруг, на вопрос «кто мы по национальности?», члены всех кланов нашей семьи отвечали: еврей.

Что заставляло их в разные времена, при разных политических режимах оставаться в строю всемирного еврейства? Ведь со временем все глуше звучали молитвы Красного Гирша и Белого Гирша, все меньше знало наше поколение о еврейских традициях, все реже звучало в доме слово на идише, стали забываться *бобэ-майсес*⁸... Так на чем же держалась и была ли она вообще — еврейскость в нашей семье? Я думаю, что, конечно, была и есть. И мы ее стараемся передать своим детям и внукам. В чем же она заключается? По-моему, во-первых, в некоем генетическом мировосприятии и мироощущении. В веками закреплённом моральном кодексе, домашнем укладе и семейных взаимоотношениях. «Что такое хорошо и что такое плохо», растолковал нам когда-то ныне забытый советский поэт. Что годится для человека со званием «еврей», как он должен жить? Все эти истины, правда, не определенные как законы еврейской религии и традиции, передавались в семье из поколения в поколение. Отношение к женщине, к

Генрих Розенберг. Фото 30-х гг.

Минна Розенберг. Фото 30-х гг.

Кармелла Скорик

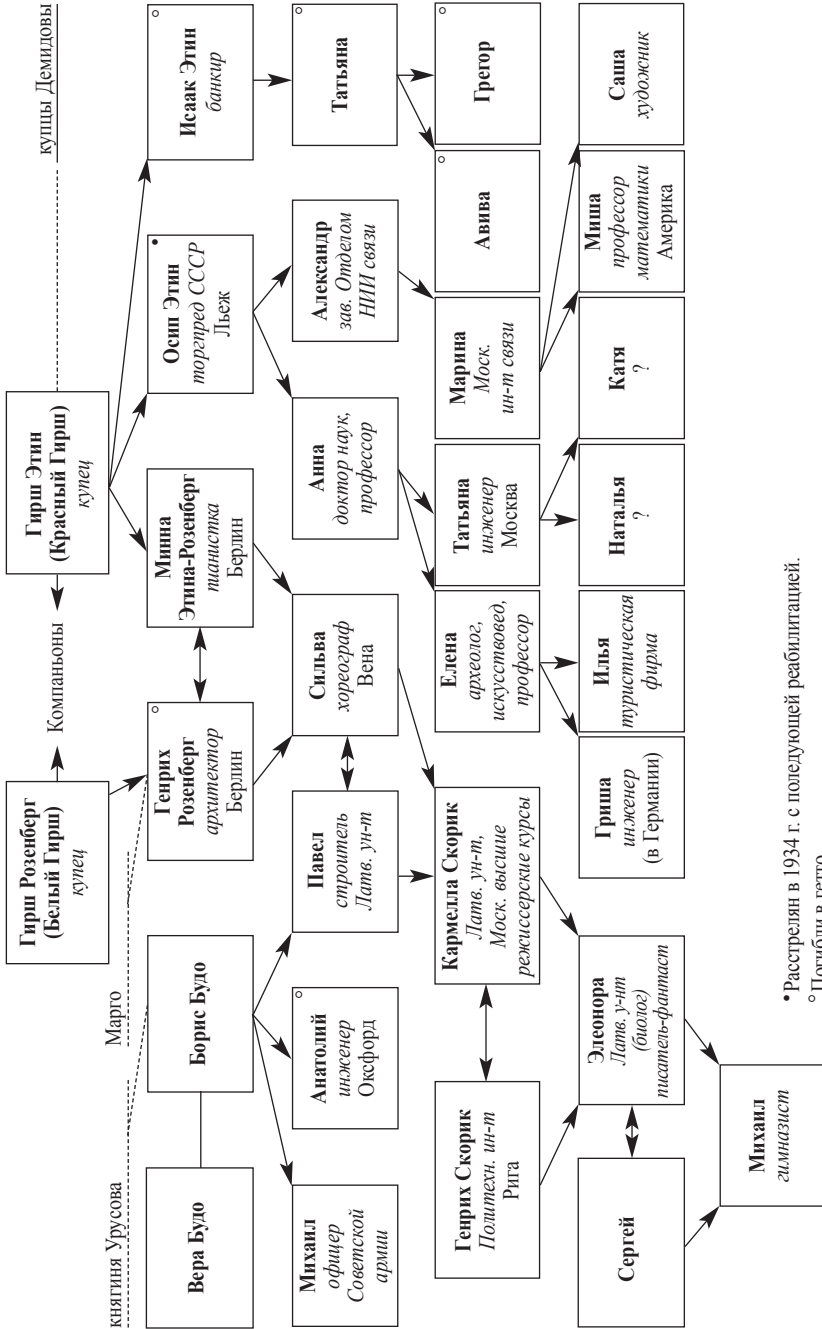
детям, к родителям, к людям вообще — все это, как прочный ствол, держит шуршащую на политических ветрах крону семейного дерева. Мой муж Генрих, моя дочь Элеонора, мой внук Миша и все многочисленные племянники выросли в атмосфере неписаных, а вернее, писанных нашими предками, законов. «Для нас это недопустимо, для нас это неприемлемо», — говорили в семье. Для нас — для евреев...

И еще, что мне кажется цементирующим, — счастливое наличие в семье духовно богатых личностей, таких как прадед Гирш, бабушка Минна, тетя Аня. Нет, они не были праведниками, они были людьми, освещенными особым светом еврейской души... Если посмотреть повнимательнее на поколения нашей семьи, впрочем, как и большинства других еврейских семей, каждое поколение проходило через испытания историческими катаклизмами. Для предков — *черта оседло-

сти и «процентная норма» для детей в учебных заведениях. Для поколения дедов — Первая мировая война, революция, разделение государств. Нужно было искать позицию, место в определенном строю и, конечно, несмотря на разность убеждений, близкие всегда поддерживали семью. По поколению моих родителей прошли черным серпом две мировые войны, и самый страшный удар, павший на евреев, — Холокост. Во время Второй мировой войны бежавшие из Риги евреи селились в нашей комнате в далеком городе Фрунзе. Еврейские эшелоны с беженцами, удиравшие от Гитлера и ехавшие на поиски оставшихся в живых родных — нет более страшного общего горя, заставлявшего крепче держаться за руки и всегда ощущать себя евреями.

Наше поколение пережило ужасы Второй мировой войны и... «дело врачей», нелегальную «процентную норму» при поступлении в вузы и на работу. И снова семья была объединена общими горестями, общими проблемами. Можно подумать, что наше еврейство держалось только на горестях, выпавших на долю евреев. Отчасти это так, но поколение наших детей объединяет гордость — гордость за то, что евреи смогли построить такую сказочную страну, как Израиль. Объединяет вновь рожденное чувство сопричастности к одному из древнейших народов на земле. Возможность постоять у Стены Плача... Наконец, для начала, возможность соучаствовать в возрождении еврейских традиций. Вообще мне кажется, что жизнь еврейской общины (в широком понимании этого слова) напоминает петлю Мебиуса⁹: она имеет при любых мировых катаклизмах свое замкнутое пространство и свой эпицентр. По этим расширяющимся петлям евреи начинают расправлять крылья, вообразив, что эти петли — бесконечное пространство, но на каждое поколение приходится и новый виток, и крохотная точка их пересечения, в которой права и возможности для евреев сводятся лишь к одной точке. Эта точка и является точкой отсчета для борьбы за свои права и человеческое достоинство. Пожалуй, не стоит забывать о том, что везде, кроме Израиля, более или менее демократично евреям во всех странах напоминают, что они — национальное меньшинство. Навер-

ШЕСТЬ ПОКОЛЕНИЙ РИЖСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ СЕМЬИ

• Расстрелян в 1934 г. с полудюжей реабилитацией.

◦ Погибли в гетто.

ное, это положение, с одной стороны, объединяет, не позволяет евреям забыть, какими они должны быть, для того, чтобы их уважали и с ними считались.

Итак, мир вокруг нас изменяется с головокружительной быстротой. Должны ли мы меняться? Думаю, что должны, однако, не забывая при этом, где наши корни и как звучат наши заповеди. Иными словами, сохраняя свою еврейскую идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. прим. 3 на с. 118.

² См. прим. 9 на с. 61.

³ См. прим. 9 на с. 169.

⁴ Вовси Мирон Семенович (1897—1960) — терапевт, академик Академии медицинских наук СССР (1948), в 1941—1947 гг. главный терапевт Красной армии. Труды по патологии внутренних органов и системы кровообращения. В 1952 г. был арестован по так называемому «делу врачей» (см. прим. 5), в 1953 г. освобожден, реабилитирован. — *Ред.*

⁵ «Дело врачей» — апофеоз антисемитской кампании, развязанной сталинским режимом в последний период правления Сталина. Группа видных московских врачей и ученых-медиков (из девяти врачей шесть были евреями) были арестованы якобы за то, что стремились «путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Освобождены после смерти Сталина. — *Ред.*

⁶ Имеется в виду первая крупная акция уничтожения узников рижского гетто 30 ноября 1941 г., в ходе которой на месте расстрела в Румбуле под Ригой было уничтожено около 12 тыс. человек и около 800 — на улицах гетто. (Вторая крупная акция состоялась 8 декабря 1941 г.) — *Ред.*

⁷ В ходе «дела врачей» (см. прим. 5), «согласно сталинскому сценарию, должен был состояться суд над „врачами-убийцами“, который приговорил бы их к смерти. Некоторых „преступников“ следовало казнить, других позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была устроить в Москве и других городах еврейские погромы. Спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их предстояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь. <...> Утверждая сценарий депортации, он [Сталин] распорядился: „Доехать до места должно не более половины“. По дороге предполагались „стихийные“ проявления народного гнева — нападения на эшелоны и убийства депортируемых. Так Сталин готовил окончательное решение еврейского вопроса в России, как рассказал об этом Эренбург» (*Борев Ю.* Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М., 1991. С. 401; см. также *Айзенштат Я.* О подготовке Сталиным геноцида советских евреев. Иерусалим, 1994). Некоторые авторы, в частности Г. В. Костырченко, подвергают сомнению наличие подобных планов и саму возможность такой депортации, мотивируя свою точку зрения отсутствием документальных свидетельств (см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 671—685; *Он же.* Депортация — мистификация: Прощание с мифом сталинской эпохи // *Лехаим.* № 9. 2002. С. 23—35; *Он же.* Документы — на страже правды истории: Открытое письмо Я. Я. Этингеру // *Там же.* № 11. С. 49—53). И. Кременецкий считает, что такая акция в 50-е гг. XX в. уже была невозможной, а «главный аргумент против этого — полная разруха промышленности, которая наступила бы, так как евреи находились в то время на многих ведущих постах» (*Кременецкий И.* Евреи при большевистском строе. 4-е, испр. и доп. изд. Миннеаполис, 2002. С. 402). Другие же, проводя аналогии со сталинскими массовыми депортациями других народов, считают, что «документы — еще не вся правда» (см.: *Этингер Я.* Документы — еще не вся правда: По поводу статьи Г. Костырченко // *Лехаим.* 2002. № 9. С. 35—39). — *Ред.*

⁸ Бабушкины сказки (*идиши*).

⁹ Точнее, лист Мёбиуса — простейшая односторонняя поверхность, рассмотренная немецким математиком А. Ф. Мёбиусом (1790—1868); получается при склеивании двух противоположных сторон прямоугольника (ленты) с поворотом одного конца на 180 градусов. — *Ред.*